

ВЗГЛЯД ПАПЫ РИМСКОГО ЛЬВА XIII НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ И РЕЦЕПЦИЯ ЕГО ВОЗЗРЕНИЙ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Цыганов Михаил Павлович,
Самарская духовная семинария
(г. Самара, Россия)

Папе Римскому Льву XIII пришлось в свой понтификат отвечать на вызовы новых социалистических теорий, что стремительно захватывали умы его современников и вызывали немалое смущение в умах добрых католиков. Энциклика, что издал этот первосвященник РКЦ, более, чем на столетие определила контуры социальной доктрины католицизма.

В «Компендиуме социального учения РКЦ» читаем: «Он, даруя Своего Духа и изменяя сердца, приходит, чтобы установить Царство Божие, чтобы сделать возможным новое сосуществование в справедливости, братстве, солидарности и сопричастности. Царство, основанное Христом, возводит к совершенству изначальную доброкачественность творения и человеческой деятельности, поврежденную грехом. Каждый человек, освобожденный от зла и вновь приобщенный к Богу, может продолжать дело Иисуса с помощью Его Духа: воздавать справедливость бедным, освобождать угнетенных, утешать удрученных, активно стремиться к построению нового социального порядка, в котором проблема материальной бедности обретет адекватные решения и который более эффективно будет сдерживать силы, препятствующие самым слабым выбраться из нищеты и рабства. Когда такое происходит, Царство Божие уже утверждается на этой земле, хотя и не принадлежит ей. В нем исполнятся, наконец, обещания Пророков» [1, с. 220].

И лишь после указания на фундаментальные очевидности христианского учения авторы «Компендиума» переходят к формулировке проблемы, которую дал Пий XI в энциклике «*Quadragesimo anno*»: «Хотя экономика и нравственность, каждая в своей области, опираются на собственные принципы, было бы ошибкой утверждать, что экономический и нравственный порядки настолько различны и чужды друг другу, что первый никоим образом не зависит от второго. Конечно, законы, называемые экономическими, выведенные из самой природы вещей и из природы души и тела человека, определяют, каких пределов в экономической сфере человеческая власть не может, а каких может достичь, и какими средствами. И разум ясно постигает из природы вещей и из индивидуальной и социальной природы человека, какую цель Бог Творец ставит перед всем экономическим порядком. Только нравственный закон, требуя искать в совокупности наших действий высшую и последнюю цель, также велит в отдельных видах деятельности искать те особые цели, которые предназначены для этой области природы, а лучше сказать, Богом, создателем природы, и гармонично подчинять эти частные цели высшей» [3, с. 190-191].

Очевидно, что и спустя почти столетие вопрос о том, насколько логична и необходима связь между нравственностью и экономикой не только не утратили актуальность, но в текущем финансовом кризисе обрели дополнительную остроту.

Как пишет Патрик де Лобье: «Лев XIII глубоко подошел к изучению социального вопроса и подверг острой критике социалистов, чей проект устройства

общества он объявляет противным естественному праву и Божественному Откровению. Равенство людей, согласно Льву XIII, заключается «в том факте, что все, обладая единой природой, призваны к тому же высокому достоинству детей Божиих и, как единая вера, предлагаемая всем, так и судим должен быть каждый по единому для всех закону и получать наказание или награду по заслугам своим» (I, 61). С другой стороны, есть неравенство в правах и власти, которые исходят от Самого Творца мира (I, 61). Неравенство это может быть смягчено благодаря влиянию евангельского духа на стремление к властвованию, *libido imperandi*, и на права и обязанности, регулирующие отношения между людьми» [2, с. 28].

Ошибка же социалистических воззрений состоит в жестком отказе выстраивать трансцендентальную перспективу будущей жизни, что приводит либо к необходимости постулировать то, что немалая часть человечества должна быть с той или иной степенью жестокости и очевидности угнетаема другой (теория «золотого миллиарда»), либо же, признать за всеми равные права на стяжание богатства любой ценой (т.е. фактически провозгласить социальный дарвинизм и «войну всех против всех»).

Оказать помощь государству может в этом плане только Церковь и христианское учение о посмертном существовании, т.к. в веке нынешнем, осознав, что терять, кроме своих цепей, обездоленным нечего с необходимостью приведет к восстаниям и бунтам (что, собственно, и произошло, когда за полтора столетия все государства Европы отказались от монархического правления).

С этой интенцией Лев XIII пишет энциклику «*Diuturnum illud*», которая появляется в конце июня 1881 г., через четыре месяца после убийства 1 марта Российского императора Александра II. Папа прямо говорит об этом в начале своего обращения, а далее формулирует католическую доктрину понимания власти, которую можно свести вкратце к нескольким утверждениям:

- 1) всякое общество людей нуждается во власти;
- 2) эта власть может получить законный характер только от Бога;
- 3) носитель или носители власти могут быть свободно назначены в зависимости от конституции, эпохи, страны, но сама власть как таковая не может быть, ни вручена народом как-либо индивидууму или партии, ни приобретена «Божией милостью».

Разумеется, такая инициатива не могла быть одобрена секуляризированной интеллигенцией и привела к нападкам на Церковь, что до сих пор является реальностью не только в католической Европе, но и в Православной России. Возражая антиклерикалам, Лев XIII предлагает модель конфессионального государства, которое характеризуется такими чертами, как:

- 1) отсутствие четкого различия между обществом и государством, при представлении чрезмерного представительства государству – каков монарх, таков народ (*Qualis rex, talis grex*), что объясняется низким уровнем образования масс до прошлого века;
- 2) сакральный характер концепции правительств в качестве представительей божественной власти и центральных персонажей общественной жизни, качество которой зависит от их добрых или недобрых намерений;
- 3) ярко выраженная аналогия между жизнью семейной и политической, с патриархальным или патерналистским оттенком;

4) терпимость в вопросе о религиозной свободе, которая на уровне практическом расценивается как меньшее зло, а не как законное требование роста индивидуального и политического сознания.

Тут важно отметить, что в данном случае Римский Понтифик как раз указывает на такой тип устройства как на исторический проект, а не на как догматическую данность, как это было в случае с естественными правами человека. Очевидно, что основная парадигма рассуждений упомянутого Папы была воспринята в дальнейшем всей Римско-Католической Церковью, а ее отдельные магистральные дефиниции относительно трансцендентальной перспективы человеческой жизни используются и в православном мире.

Литература

1. Компендиум социального учения Церкви. – [Б. м.] «Паолине», 2006.
2. Лобье де Патрик. Социальная доктрина католической Церкви. – Брюссель, 1989.
3. Пий XI. Энциклика «Quadragesimo anno»: Acta Apostolica Sedis, 23 (1931). P. 190-191.